

balances their virtues according to what the context of action requires right now. The reverent community strives to actualize the unique potential of every individual member so that individual may make their unique contribution to community and thereby aid every other member to likewise actualize their potential. The result is what Aristotle called *eudaemonia*, which we moderns translate as happiness, but is better translated as fulfillment. Aided by intelligent inquiry, the reverent community can locate the Golden Mean between excessive asceticism and selfishness.

For me, reverence is related to another key concept in my moral universe, hospitality. A test of moral behavior for me is how we treat the stranger among us. Do we greet them openly, or are we suspicious and perhaps even accusing? A central operative part of my idea of morality is to be hospitable. By that I understand the Benedictine concept of hospitality, a kindness to strangers and openness to what we may learn from others. As Henri Nouwen comments, “Hospitality...means primarily the creation of a free space where the stranger can enter and become a friend instead of an enemy. Hospitality is not to change people, but to offer them space where change can take place.”¹ Hospitality is thus connected to listening to the other, and being open to that person, prior to making any judgment. For me this naturally moves to a Deweyan sense of a community of inquiry where hospitality is also a communicative and political virtue, as a generative quality in public life that would ground a common and democratic political involvement. The communicative virtues include willingness to dialogue across differences, and prepare the way for a democratic way of life.

Thus, prior to discussions of rights and obligations, or the adjudication of moral codes, reverence and hospitality form the foundation of my moral outlook.

Энтони Рад²

Мораль помогает мне контекстуально понять, как мне жить в этом мире, как относиться к другим людям, к животным, к природной среде. Мне кажется, что мы можем смоделировать правильное поведение, хотя в полной мере кодифицировать его и научить ему невозможно. Вспоминаю профессора, которого я

¹ *Nouwen Henri*. Reaching Out: The Three Movements of the Spiritual Life. Garden City NY : Doubleday, 1975. P. 71.

² Энтони Рад — почетный профессор Педагогического колледжа Университета штата Вашингтон. Исследовательские интересы — культурные основания образования, моральные аспекты подготовки учителей. Автор книги «Благоговение перед жизнью: Наследие Альберта Швейцера в образовании» (2011).

знал в колледже. Узнав о предстоящем докладе, посвященном этике Платона, он заметил: «У Платона было много ошибок». У этого профессора было представление о морали как кодексе, почти юридическом документе, с помощью которого можно охватить все поведение. Полагаю, мораль на самом деле более гибкая и открытая. Я связываю мораль скорее с активной добродетелью, основанной на благоговении и гостеприимстве, нежели на этических кодексах¹.

Сильная моральная позиция состоит в том, чтобы относиться к живым существам не только с уважением и вниманием, но и с благоговением. Я исхожу в этом из моего изучения работы П. Вудрафа² и моих исследований учения А. Швейцера. Я рассматриваю благоговение как моральный, эмоциональный и онтологический феномен, нежели когнитивный. Он указывает на то, что значит быть кем-то, а не знать что-то.

Мне кажется полезным определение, предлагаемое Вудрафом: благоговение – это «способность испытывать целый ряд связанных друг с другом переживаний и чувств. Это чувство, что есть что-то большее, чем человек, и оно сопровождается благоговейным страхом [awe], уважением и стыдом; часто оно выражается и подкрепляется соответствующими церемониями»³. Вот наиболее полное определение благоговения: это понимание ограниченности человека, его несовершенства и нашего места в сообществе наряду с другими. Это понимание вырастает из чувств благоговейного страха, уважения и приниженности, связанного с опытом чего-то или кого-то, которые характеризуются следующим: (1) эти что-то или кто-то не могут быть изменены или контролироваться средствами, которыми обладает человек, мы не можем это изменить; (2) создание кого-то или чего-то от нас никак не зависит; (3) мы не можем это в полной мере понять; (4) что-то или кто-то трансцендентно и в чем-то сверхъестественно. Вот несколько примеров этого «чего-то», иллюстрирующих названные признаки: драгоценность и хрупкость жизни, справедливость, значение и истина, идеи, идеалы, любовь, смерть, природа, творение, творчество, возможность, человеческий потенциал. Примеры «кого-то» включают раз-

¹ В течение нескольких лет вместе с Джеймсом Гаррисоном я занимался исследованием благоговения. В результате вышла книга “Ancient Virtue for Today’s Schools” (2012). В книге “The Educational Conversation: Closing the Gap” (1995) мне принадлежит глава о гостеприимстве в образовании: «Learning in Comfort: Developing an Ethos of Hospitality in Education».

² См. Woodruff P. *Reverence: Renewing a Forgotten Virtue*. N.Y.: Oxford University Press, 2001.

³ Ibid. P. 63.

личные понятия Высшего Существа, героя или обычного человека, чья способность к благородным делам превышает то, что обычно для нас. Таковы Махатма Ганди, преподобный Мартин Лютер Кинг или Мать Тереза.

Как показывает Вудраф, благоговение представляет собой «кардинальную добродетель», которую, как мужество, справедливость или умеренность, можно обнаружить во многих, хотя, возможно, и не во всех культурах. Этика добродетели сосредоточена на качестве и содержании нашего характера; и хотя это наиболее древняя этика, она сохраняет свою силу во все эпохи. Сегодня доминирует прежде всего этика долга или консеквенциалистская этика (например, утилитаризм), в которых ставится вопрос о моральной обязанности поступка, но не о моральном бытии, как это предполагается этикой добродетели. Этика долга придает большое значение абстрактным, деконтекстуализированным моральным правилам, законам, обязанностям и правам, в то время как утилитаризм – количественному анализу максимизации наибольшего блага наибольшему числу людей. Этика добродетелей сфокусирована на конкретных частностях особых ситуаций и даже на единичных решениях. Впрочем, добродетели не могут заменить правила, и целостная этическая теория не может не признавать их.

Благоговение требует признать не только то, что мы сами несовершенны, но и другие. Несовершенство – это просто сторона человеческого существования. Понимание этого помогает нам на практике благоговейно выстраивать свои отношения с другими, потому что признаем и прощаем как себя, так и любого другого, даже при том, что все мы стремимся к самым высоким идеалам. Благоговейное состояние ума и сопутствующие этому чувства и эмоции способствуют гармонии в нашем отношении к себе, к сообществу и к нашему космосу. В кросс-культурном плане мы находим во многом такой же принцип в идее в конфуцианской золотой середине и буддистском срединном пути. Золотая середина менее всего означает неустойчивое состояние. Как часть этики добродетели она задает то эстетическое измерение, которое мы вряд ли можем обнаружить в этике долга или в утилитаризме. Этот аспект хорошо выразил Дж. Дьюи: «Акцент греков на *kalokagathos* – калокагатии, аристотелевское отождествление добродетели с серединой обнаруживают пронизательное понимание изящества, ритма и гармонии как доминирующих черт доброго поведения»¹. Идея *kalokagathos* указывает на тот факт, что добро, красота и гармония тождественны. Какая бы добродетель, включая благоговение, ни выдвигалась на первый план в данный конкретный момент,

¹ Dewey J. Ethics // Dewey J. The Later Works: Vol. 7 ; ed. J. Boydston. Carbondale: Southern Illinois University Press. 1985. P. 271.

добродетельный человек совмещает и гармонизирует разные добродетели соответственно тому, что в данном случае требует контекст поступка. Благоговейное сообщество стремится актуализировать неповторимый потенциал каждого индивидуального члена, чтобы каждый из них мог внести свой вклад в дело общества и, стало быть, помочь каждому другому члену актуализировать себя. Результатом этого является то, что Аристотель называл *eudaimonia* (евдемония), а мы, современные люди, называем счастьем, но что точнее было бы переводить как блаженство, полнота жизненной самореализации [fulfillment]. Дополненное разумным рассуждением, сообщество благоговения помещает золотую середину между крайностями аскетизма и эгоизма.

Для меня благоговение сопряжено еще с одним ключевым понятием моего морального мира – с гостеприимством. То, как мы относимся к посторонним (*stranger*), является для меня тестом на моральность. Открыто ли мы их принимаем или относимся с подозрением и даже с предубеждением? Гостеприимство – центральный момент в моем понимании моральной практики. Я разделяю бенедиктинскую идею гостеприимства – проявлять доброту к посторонним и быть открытым к тому новому, что они несут с собой. Как отмечает Г. Ноуэн, «гостеприимство... создает свободное пространство, вступив в которое посторонний становится другом, а не врагом. Гостеприимство не претендует на то, чтобы изменить людей, но оно предоставляет пространство, в котором изменение возможно»¹. Гостеприимство, таким образом, выражается в том, что мы без предубеждения выслушиваем другого прежде, чем судим о нем. Это, как мне кажется, напрямую связано с тем, что Дьюи называл исследовательским сообществом (*a community of inquiry*), в котором гостеприимство – это также и коммуникативная и политическая добродетель, качество общественной жизни, без которого нельзя себе представить общего участия в демократической политической жизни. Коммуникативные добродетели включают в себя готовность к диалогу вопреки различиям и задают таким образом основу демократического образа жизни.

Стало быть, прежде чем начинать дискуссии о правильном и обязательном или принимать моральные кодексы, нужно чтобы сложилось моральное мировоззрение, ключевая роль в формировании которого принадлежит благоговению и гостеприимству.

Перевод с английского Р. Апресяна

¹ *Nouwen H. Reaching Out: The Three Movements of the Spiritual Life. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1975. P. 71.*